



ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

*ТЫСЯЧА БЛАГОДАРНОСТЕЙ,
ДЖИВС!*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

Тысяча благодарностей, Дживс!

«Издательство АСТ»

1971

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Тысяча благодарностей, Дживс! / П. Вудхаус — «Издательство АСТ», 1971 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-104804-4

Каков главный кошмар жизни Берти Вустера? Разумеется, тетушки! Вот и на сей раз тетушка Даля прервала его безмятежное существование и затащила в сельское имение — агитировать в глуши на выборах в пользу старого школьного приятеля по прозвищу Медяк. Однако и это еще не все — в провинции на беднягу Берти немедленно набросились с целью его окольцевать сразу две барышни. Трагедия неминуема... если, конечно, на помощь не придет верный Дживс!..

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104804-4

© Вудхаус П., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пелам Гренвилл Вудхаус

Тысяча благодарностей, Дживс!

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1971

© Перевод. Л. Мотылев, 2017

© Перевод. Л. Мотылева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Удобно усевшись за стол и приступив к яичнице с ветчиной, которую Дживс дал мне от щедрот своих, я испытывал, если можно так выразиться, странную экзальтацию. Обстановка казалась благоприятствующей. Я снова был в своей старой насиженной цитадели, и сама мысль, что я больше не увижу Тотли-Тауэрс, сэра Уоткина Бассета, его дочь Мадлен и, главное, презренного Спода, или лорда Сидкапа, как он теперь себя называет, действовала на меня, как средняя взрослая доза одного из тех общедоступных лекарств, которые поднимают общий тонус и вселяют в человека бодрость.

– Яичница, Дживс, – объединение, – сказал я. – Вкусней не бывает.

– Да, сэр?

– Без сомнения, эти яйца откладывали довольные жизнью несущки. И кофе отменный. Не премину пропеть хвалу и бекону. Скажите, вам не кажется, что со мной сегодня утром что-то творится?

– По-моему, вы в хорошем настроении, сэр.

– Да, Дживс, сегодня я чувствую себя счастливым.

– Очень рад это слышать, сэр.

– Можно сказать, я на седьмом небе, и радуга висит у меня через плечо.

– Прекрасное положение вещей, сэр.

– Помните то слово, начинается с «эй», я слышал, как вы иногда говорите его?

– Эйфория, сэр?

– Вот именно. У меня давно не было такого острого приступа эйфории. Я полон до краев витамином В. Хотя, конечно, как долго это продлится, неизвестно. Бывает, только развеселишься, а тут уже тучи начинают делать свое черное дело.

– Совершенно верно, сэр.

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронem.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот¹.

– Вот именно, – согласился я, подумав, что сам не смог бы сказать складнее. – Всегда нужно быть готовым к перемене погоды. Но пока она не произошла, будь счастлив в полную меру.

– Абсолютно точно, сэр. *Carpe diem*², советовал римский поэт Гораций. Английский поэт Геррик выразил те же мысли и чувства, сказав, что «нужно розы рвать, пока они свежи». Ваш локоть в масленке, сэр.

– Ой, спасибо, Дживс.

Что ж, пока неплохо. Начало удачное. Но как вести повествование дальше, просто не знаю. Не представляю себе, как писать новую главу Истории Бертрама Вустера – а именно на это я собираюсь замахнуться, – не углубляясь в прошлое, не упоминая событий, случившихся

¹ Уильям Шекспир. Сонет XXXIII. Перевод С. Маршака. – *Здесь и далее примеч пер.*

² Лови день (*лат.*).

в предыдущих главах и не объясняя, кто есть кто и что, где, когда и почему произошло; но начини я объяснять все это, что скажут те читатели, которые идут со мной рука об руку с самого начала? Они закричат: «Старье!» или, как говорят французы: «Déjà vu»³.

С другой стороны, я не должен забывать и о новичках. Нельзя допустить, чтобы бедолаги бились над решением ребусов. А то между нами может состояться примерно следующий обмен репликами:

АВТОР. Я почувствовал огромное облегчение, улизнув из Тотли-Тауэрс.

НОВИЧОК. Что это, Тотли-Тауэрс?

АВТОР. Дело шло к тому, что мне придется жениться на Мадлен.

НОВИЧОК. Кто это Мадлен?

АВТОР. Понимаете, Гасси Финк-Ноттл сбежал с кухаркой.

НОВИЧОК. Кто это Гасси Финк-Ноттл?

АВТОР. Но к счастью, поблизости оказался Спод и перехватил ее, чем спас меня от эшафота.

НОВИЧОК. Кто это Спод?

Сами видите, положение безнадежное. Бестолковщина, одним словом. Я вижу единственный выход: попросить читателей со стажем отвлечься ненадолго, есть множество дел, которыми они могли бы заняться – помыть машину, разгадать кроссворд, выгулять собаку, – пока я введу в курс дела начинающих.

Короче говоря, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды распространяться, Мадлен Бассет, дочь сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрс, графство Глостершир, долгое время полагала, что я безнадежно в нее влюблен, и уведомила меня, что если ей когда-нибудь представится случай дать своему нареченному Гасси Финк-Ноттлу от ворот поворот, она выйдет за меня замуж. Такой поворот нисколько меня не устраивал, ведь хотя я и признавал, что она писаная красавица, она отвращала меня тем, что была сладко-слезливой барышней, звезды на небе считала божьими цветочками и верила, будто всякий раз, как высморкается фея, на свет появится младенец. А это, как вы сами понимаете, последнее, что захочешь иметь у себя в доме.

Так вот, когда Гасси неожиданно сбежал с кухаркой, казалось, что Бертраму уже недолго осталось гулять на свободе. Если девушка думает, что вы в нее влюблены, и выражает желание выйти за вас замуж, не скажете же вы ей, что с большей радостью сдохнете в канаве. Конечно, это при условии, что вы, как говорится, истый *preux chevalier*⁴, а быть таковым я всегда стремлюсь.

Но в тот момент, когда я уже был готов надеть терновый венец, вдруг, как я сказал, появился Спод, теперь живущий под именем лорда Сидкапа. Он давно любил ее за одухотворенность, но все не мог собраться об этом сказать, и теперь, когда он объяснился, они тут же спелись. Возможно, сознание того, что она нашла себе пару и больше не представляет угрозы, было важнейшей составляющей моей теперешней эйфории.

Надеюсь, после этих разъяснений все стало ясно и дураку. Итак, продолжим. На чем мы остановились? Ах, я сказал Дживсу, что пребываю на седьмом небе и радуга висит у меня через плечо, но усомнился в том, что это продлится долго, и оказался прав: не успел я дважды поднести вилку ко рту, как жизнь дала мне почувствовать, что она не сладкозвучная песня, а цепь колдобин и суровых испытаний.

– Мне показалось, Дживс, – завел я досужий разговор, потягивая кофе, – или действительно сегодня утром, когда с меня спала пелена сна, я слышал стук вашей пишущей машинки?

³ Букв. «уже виденное» (фр.).

⁴ Истинный рыцарь (фр.).

– Да, сэр. Я кое-что сочинял.

– Письмо Чарли Силверсмиту по долгу родства или, может быть, стихи в духе того чудака, который призывал срывать розы?

Чарли Силверсмитом звали его дядю, который служил дворецким в Деверил-Холле, где в свое время мы так мило гостили.

– Ни то ни другое, сэр. Я записывал недавние события в Тотли-Тауэрс для клубной книги.

Здесь – вот ведь незадача! – я снова должен попросить читателей-ветеранов отвлечься, пока я буду растолковывать, что к чему, новобранцам.

Дживс, да будет вам известно (это я уже обращаюсь к новобранцам), состоит в клубе дворецких и камердинеров, расположенном в районе Керзон-стрит, а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу самые свежие сведения о своем хозяине, чтобы желающие найти место, ознакомившись с ними, могли знать, что их ждет. Решивший наняться на работу член клуба заглядывает в клубную книгу, и если выясняется, что интересующий его джентльмен каждое утро оставляет на крыльце крошки для птиц и регулярно спасает золотоволосых детей, бросаясь под колеса автомобилей, то все в порядке, и он соглашается на работу без колебаний. Если же выясняется, что предполагаемый хозяин частенько пинает голодных собак и по утрам запускает овсянкой в прислугу, то искатель места вовремя получает предупреждение, что надо держаться от такого субъекта подальше.

Очевидно, рациональное зерно во всем этом есть, но, по-моему, такая книга – это бомба замедленного действия, и она должна быть запрещена. Дживс сказал, что одиннадцать страниц в ней посвящены мне; а как отреагирует тетя Агата, спросил я, попади книга ей в руки, ведь я у нее и так на плохом счету? Она уже высказывалась обо мне напрямик несколько лет назад, когда я был найден в спальне с двадцатью тремя кошками, – можно подумать, мне их общество было в радость! – и еще раз, когда я был обвинен – как вы понимаете, облыжно – в том, что бросил на острове посреди озера члена кабинета министров А. Б. Филмора. Какой же простор дадут ее красноречию мои злоключения в Тотли-Тауэрс! «Воображение просто пасует, Дживс», – сказал я.

На это Дживс заявил, что книга не попадет в руки тете Агате: вряд ли она заглянет в «Ганимед» – так называется клуб, – и поэтому нечего, мол, беспокоиться. Его доводы казались убедительными, и ему более или менее удалось унять мой трепет, но все-таки я не мог избавиться от чувства беспокойства, и, когда я обратился к нему, мой голос дрожал от волнения.

– Боже мой! – выпалил я, если слово «выпалил» сюда подходит. – Неужели вы действительно собираетесь записать события в Тотли?

– Да, сэр.

– И как меня подозревали в краже янтарной статуэтки у старика Бассета?

– Да, сэр.

– И что я провел ночь в тюремной камере? Нельзя ли без этого обойтись? Почему бы не предоставить мертвому прошлому погребать своих мертвецов? Почему бы не предать все это забвению?

– Это невозможно, сэр.

– Почему невозможно? Не говорите мне, что вы ничего не забываете. Ваша голова не бездонная бочка.

Я думал, что положил его на лопатки, но не тут-то было.

– Как член клуба, я не имею права оказать вам эту услугу. Пункты устава, касающиеся клубной книги, очень строги, и за неподачу сведений установлено суровое наказание. Известны прецеденты, когда провинившихся исключали.

– Понимаю, – сказал я. Я вполне сознавал, что он раздираем противоречием: вассальная приверженность побуждала его служить молодому хозяину верой и правдой, в то время как

естественное нежелание вылететь из горячо любимого клуба подталкивало его отмахнуться от хозяйских терзаний. Ситуация, как мне казалось, вынуждала искать компромисс.

– Не могли бы вы тогда как-то подретушировать свой рассказ? Выкинуть парочку наиболее смачных эпизодов?

– Боюсь, что нет, сэр. От нас требуют полного отчета. Комитет на этом настаивает.

Думаю, я погорячился, когда выразил пожелание, чтобы члены его проклятого комитета поскользнулись на банановой кожуре и свернули себе шеи, потому что, как мне показалось, по его лицу скользнула тень страдания. Но он умел уважать чужое мнение и простил мне этот выпад.

– Понимаю ваши чувства, сэр. Но поставьте себя на место членов комитета. Клубная книга – исторический документ. Она существует уже более восьмидесяти лет.

– Тогда она должна быть величиной с дом.

– Нет, сэр, она состоит из отдельных томов. Записи в последнем ведутся уже около двенадцати лет. И нужно помнить, что не всякий хозяин заслуживает того, чтобы много о нем писать.

– Заслуживает?!

– Я хотел сказать: дает к этому повод. Как правило, нескольких строк бывает достаточно. Ваши восемнадцать страниц – исключение.

– Восемнадцать? Я думал, что одиннадцать.

– Вы забываете про мой отчет о ваших злоключениях в Тотли-Тауэрс, который я уже почти закончил. Предвижу, что он займет примерно семь страниц. Позвольте, сэр, я похлопаю вас по спине.

Он вызвался оказать мне эту любезность, потому что я поперхнулся глотком кофе. Хватило нескольких похлопываний, чтобы я пришел в себя и почувствовал, что разгневан не на шутку, как это бывает всякий раз, когда речь заходит о его литературной работе. Восемнадцать страниц, – как вам это! – и на каждой уйма таких фактов, которые, всплыви они наружу, отправят на дно мою репутацию. Я испытывал сильное желание отдубасить тех, кто все это выдумал, и в моем голосе зазвучал благородный гнев.

– Ужасно. Просто ужасно. Знаете, чему ваш проклятый комитет способствует? Шантажу, вот чему. Представьте, что книга попала в руки недостойного человека. Чем это может кончиться? Полным крахом репутации, Дживс.

Выпрямился он в этот момент или нет, я не знаю: я зажигал сигарету и не видел, – но он заговорил ледяным тоном, каким говорят, когда вытянутся во весь рост:

– Среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей.

Я запротестовал:

– Это вы так думаете. А как же Бринкли? – спросил я. – Он ведь член клуба?

Этот Бринкли поступил ко мне на службу несколько лет назад по рекомендации агентства, когда наши пути с Дживсом ненадолго разошлись из-за того, что он не одобрял моего увлечения игрой на банджолайке.

– Провинциальный член, сэр. Он редко появляется в клубе. Кстати, сэр, его фамилия не Бринкли, а Бингли.

Я раздраженно отмахнулся мундштуком. Бринкли он или Бингли – погоды не делало.

– Как его зовут, не суть важно, Дживс. А важно, что, отлучившись из дома в свое свободное время, он вернулся в состоянии сильного опьянения, поджег дом и пытался нашинковать меня, как кочан капусты.

– Очень неприятный инцидент, сэр.

– Услыхав шум, я спустился из своей комнаты и стал свидетелем его рукопашной схватки с напольными часами, которые, видно, чем-то ему не угодили. Потом он опрокинул лампу и бросился на меня по лестнице с саблей наголо. Только чудом я остался ныне здравствующим

Бертрамом Вустером, воистину только чудом. А вы говорите, что среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей. Ха! – сказал я. Я редко пользуюсь этим междометием, но сейчас не удержался.

Обстановка накалялась. Закипала обида, рвалось наружу недовольство. К счастью, в этот момент заверещал телефон и отвлек мое внимание. Дживс подошел к телефону.

– Миссис Траверс, сэр, – доложил он.

Глава 2

Я и сам уже догадался, что на проводе моя добрая почтенная тетюшка Далия, имеющая привычку говорить по телефону с таким легочным напором, словно она американский свинопас, скликающий своих подопечных к кормушке на просторах Дикого Запада. Она обрела громкость еще в юности, когда часто ездила на псовую охоту. Представьте себе, что гончие то норовят попасть под копыта лошадей, то отвлекаются на погоню за кроликами, и вы поймете, что девушка на охоте быстро становится голосистой. Думаю, что когда тетя в голосе, ее слышно в соседних графствах.

Я с радостью подошел к телефону. Мало с кем из друзей и близких мне так приятно общаться, как с этой добродушной сестрой моего покойного отца, и к тому же мы давно не виделись. Она почти безвыездно живет в своем имении в окрестностях Маркет-Снодсбери, графство Вустершир, а я, о чем говорят и записи, только что сделанные Дживсом в клубной книге, в последнее время не приезжал в те края за недосугом. Я поднял трубку, весело улыбаясь. От моей улыбки, конечно, не было проку – тетка все равно не могла ее видеть, – но ведь важен настрой, в конце концов.

– Привет, пожилая родственница.

– Привет, юное недоразумение. Ты не пьян?

Подозрение, что я могу быть под мухой в десять часов утра, естественно, уязвило мое самолюбие, но я в который раз сказал себе, что такой уж они народ, эти тетюшки. Дайте мне тетюшку, всегда говорю я, и я вам покажу пожилую даму, которую нисколько не заботит, как глубоко ее *obiter dicta*⁵ могут оскорбить племянника. С подчеркнутой холодностью я успокоил ее относительно волновавшего ее вопроса и спросил, чем могу быть полезен.

– Пообедаете у меня?

– Я не в Лондоне. Я звоню из дому. Ты можешь, как ты выражаешься, быть полезен своим приездом ко мне. Сегодня, если у тебя получится.

– До чего приятно это слышать, старая прародительница. Ваше приглашение меня очень обрадовало, – сказал я, всегда готовый воспользоваться ее гостеприимством и вновь переведаться с бесподобными съедобностями, которые стряпает ее замечательный французский повар Анатолий, благодетель пищеварительных трактов. Я всегда жалею, что у меня нет запасного желудка, чтобы поручить и его заботам Анатолия. – Сколько я буду у вас гостить?

– Сколько пожелаешь, беспечный ты мой. Я дам тебе знать, когда пора будет выметаться. Главное – чтобы ты приехал.

Конечно, я был, как и всякий бы на моем месте, тронут той настойчивостью, с которой она добивалась моего визита. А то в кругу моих знакомых слишком многие, приглашая меня в гости, специально подчеркивают, что ждут меня только на выходные, и обязательно говорят, что самый удобный обратный поезд отходит в понедельник утром. Я улыбнулся еще шире.

– Очень мило, что вы меня пригласили, ближайшая родственница.

– Ну, разумеется, мило.

– Предвкушаю радость свидания с вами.

– Еще бы.

– Каждая минута до нашей встречи будет казаться мне часом. Как дела у Анатолия?

– Ты только о нем и думаешь, прожорливый поросенок.

– Что делать? Вкусовые ощущения устойчивы. Как поживает его искусство?

– Оно в расцвете.

– Прекрасно.

⁵ Мимолетные замечания (лат.).

– Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением.

Я попросил ее повторить. Мне послышалось, будто она сказала: «Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением», – хотя я знал, что она не могла так сказать. Но оказывается, все-таки сказала.

– Медяк? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Гарольд Уиншип. Он просил называть его Медяком. Он живет сейчас у меня. Говорит, что он твой приятель, в чем он, конечно, никогда не признался бы, если бы не существовали веские улики. Вы ведь знакомы? По его словам, вы вместе учились в Оксфорде.

Я издал возглас радости, а она сказала, чтобы я не смел больше так орать, иначе она взыщет с меня компенсацию за свои лопнувшие барабанные перепонки. В общем, как говорит старинная поговорка, горшок стал чайнику за копыт пенять: мои-то барабанные перепонки были на пределе с самого начала переговоров.

– Знакомы? – повторил я. – Знакомы – не то слово. Мы были просто как... Дживс!

– Да, сэр?

– Как звали ту парочку?

– Простите, сэр?

– В Древней Греции, если не ошибаюсь. Ее часто поминают, когда заходит речь о закадычной дружбе.

– Вы имеете в виду Дамона и Пифию, сэр?

– Точно. Мы были просто как Дамон и Пифий, старая прародительница. Но что он делает в ваших пенатах? Я не знал, что вы с ним знакомы.

– Мы и не были знакомы. Но его мать – моя старая школьная подруга.

– Понимаю.

– И когда я узнала, что он баллотируется в парламент на внеочередных выборах в Маркет-Снодсбери, я написала ему, что он может расположиться у меня. Это гораздо лучше, чем прозябать в гостинице.

– В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания?

– Вовсю.

– И Медяк один из кандидатов?

– Он выдвинут от консерваторов. Ты, кажется, удивлен.

– Еще как. Можно даже сказать, потрясен. Я и не подозревал, что у него есть общественная жилка. Как его успехи?

– Пока трудно сказать. В любом случае ему необходима всесторонняя помощь, поэтому я хочу, чтобы ты приехал и поагитировал за него.

Я в раздумье пожевал нижнюю губу. В такую минуту следует проявлять осмотрительность, а то еще мало ли что.

– Что от меня потребуется? – осторожно поинтересовался я. – Мне не придется целовать младенцев?

– Конечно, нет, тупица ты беспросветный.

– Я слышал, что предвыборные кампании в основном состоят из целования младенцев.

– Да, но целовать их должен бедняга кандидат. Ты будешь ходить по домам и агитировать жителей за Медяка, больше от тебя ничего не потребуется.

– Тогда можете на меня положиться. С этой задачей я справлюсь. Старина Медяк! – сказал я, растрогавшись. – Встреча с ним согреет мне душу, ну, и все такое.

– Душу и все такое ты сможешь согреть уже сегодня. Он на день приезжает в Лондон и хочет с тобой пообедать.

– Ух ты! Прекрасно. В котором часу?

– В полвторого.

– Где?

- В гриль-баре «Баррибо».
- Я буду там. Дживс, – сказал я, повесив трубку, – помните Медяка Уиншипа, который был для меня когда-то тем же, чем Дамон был для Пифия?
- Да, сэр, конечно.
- В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания, и он кандидат от консерваторов.
- Та к я и понял из слов вашей тети, сэр.
- Вы что, слышали, что она говорила?
- Почти беспрепятственно, сэр. У мадам довольно пронзительный голос.
- Это уж точно, пронзает, – сказал я, потирая ухо. – Не легкие, а прямо кузнечные мехи.
- Исключительная сила звука, сэр.
- Неужели тетя пела мне колыбельные, когда я был крошкой? Наверно, нет, иначе я с перепугу решил бы, что взорвался отопительный котел, и вырос заикой. Но все это несущественно, главное – что мы сегодня отбываем к ее шалашу. Я пообедаю с Медяком. В мое отсутствие упакуйте, пожалуйста, всякие там носки-галстуки.
- Слушаюсь, сэр, – ответил он, и мы больше не возвращались к разговору о клубной книге.

Глава 3

Через несколько часов я отправился на свидание, испытывая неподдельную радость. Медяк – мой старинный приятель, может быть, не такой старый, как Копченая Селедка или как Китекэт Поттер-Перебрайт, с которыми я «топтал траву родных полей»⁶ в приготовительной школе, пансионе и университете, но, безусловно, очень давнишний. Мы занимали в оксфордском общежитии соседние комнаты, и не будет преувеличением сказать, что с той минуты, как он заглянул ко мне за сифоном для газировки, мы с ним стали как родные братья и оставались столь же близки после того, как покинули этот центр науки.

Долгое время он был видным членом «Клуба шалопаев», приобретшим широкую известность благодаря своей неумности и заводному темпераменту, но внезапно он отстранился от дел и переселился в деревню – как ни странно, в Стипл-Бампли, графство Эссекс, где находится обиталище моей тети Агаты. Говорят, виной тому была его помолвка с некой своевольной девицей, которая отрицательно относилась к его членству в клубе. Подобные девицы встречаются всюду и везде, и, по-моему, лучше держаться от них подальше.

Естественно, эти обстоятельства нас разлучили. Он не приезжал в Лондон, а я, конечно, ни разу не наведлся в Стипл-Бампли. В места, где можно повстречать тетю Агату, я не езду. Лезть в петлю, ей-богу, смысла не вижу. Но Медяка мне очень не хватало. Как говорится, «о, если бы коснуться исчезнувшей руки»⁷.

Войдя в «Баррибо», я встретил его в холле, где до обеда пропускают стаканчик, чтобы потом пройти в гриль-бар, и после приветствий вроде «Кого я вижу!» и «Сколько лет, сколько зим» – неизбежных, когда две исчезнувшие руки, которые были разлучены много лет, вновь ошупывают друг друга, – он спросил меня, не хочу ли я прогреть горло.

– Я тебе компанию не составлю, – сказал он. – Не то чтобы я заделался трезвенником – немного легкого вина за ужином выпить могу, – но моя невеста хочет, чтобы я отказался от коктейлей. Говорит, от них сосуды теряют эластичность.

Если вы собираетесь спросить, не поморщился ли я в тот момент, то спешу заверить вас, что поморщился. Его слова косвенно свидетельствовали о том, что, уехав, он оказался под каблуком у красотки с дурным характером и что она и вправду своевольная девица. В противном случае она бы не стала так бесцеремонно отталкивать чашу от его уст. Она явно сумела сделать так, что ему даже нравилось такое обращение: в его словах звучала не мрачная злоба человека, раздавленного железной пятой, а собачья преданность. По-видимому, он смирился и не возражал, чтобы им помыкали.

Я-то, подумалось мне, совершенно иначе вел себя в бытность женихом Флоренс Крэй, властолюбивой дочки моего дяди Перси. Наша помолвка быстро превратилась в размолвку; Флоренс переиграла и обручилась с типом по фамилии Горриндж, который писал верлибры. Однако пока я был ее женихом, я чувствовал себя одной из тех чернокожих рабынь, над которыми измывалась Клеопатра, и меня это, мягко говоря, раздражало. Медяк же, судя по всему, и не думал раздражаться. Когда человек чем-то раздражен, это сразу видно, а тут я ничего такого не заметил. Похоже, он считал монарший запрет на коктейли лишним доказательством того, что она ангел милосердия, неустанно радеющий о его благе.

Вустеры предпочитают не пить в одиночестве, особенно если кто-то рядом наблюдает, не теряют ли эластичность их сосуды, поэтому я отказался от возлияния (с неохотой, поскольку страдал от жажды) и с ходу перешел к главному вопросу повестки дня. По дороге в «Бар-

⁶ Роберт Бернс. Старая дружба.

⁷ Альфред Теннисон. У моря.

рибо», как вы догадываетесь, я углубился в размышления о баллотировке Медяка в парламент и теперь хотел знать, что за этим начинанием кроется. Оно казалось мне нелепым.

– Тетя Далия говорит, ты поселился у нее на время предвыборной кампании, чтобы легче было добираться до Маркет-Снодсбери и умащивать там избирателей.

– Да, она любезно пригласила меня к себе. Они с моей мамой вместе учились в школе.

– Да, она мне говорила. Интересно, была ли она в то время такая же краснощекая, как теперь? Ну, и как тебе нравится в гостях?

– Там просто чудесно.

– Все по высшему разряду. Песчаная почва, центральное водоснабжение и канализация, большой парк. И конечно, стряпня Анатоля.

– О! – воскликнул Медяк, и я думаю, он почтительно снял бы шляпу, если бы только она была у него на голове. – Очень одаренный человек.

– Повар божьей милостью, – согласился я. – Его обеды должны придать тебе сил для предвыборной борьбы. Как идет кампания?

– Успешно.

– Ты уже целовал младенцев?

– О! – вновь воскликнул он уже с дрожью в голосе. Я почувствовал, что задел его больное место. – Знал бы ты, Берти, как эти субчики-младенцы пускают слюни. Но отступать нельзя. Мой помощник говорит, чтобы я ни перед чем не останавливался, если хочу победить на выборах.

– А зачем тебе эта победа? Я-то думал, ты к парламенту и на пушечный выстрел не подойдешь, – сказал я, поскольку знал, что общество там не такое уж избранное. – Что толкнуло тебя на этот опрометчивый шаг?

– Моя невеста захотела, чтобы я баллотировался, – ответил он, и когда он произнес слово «невеста», его голос переливчато задрожал, как у воркующего со своей горлицей голубка. – Она решила, что я должен делать карьеру.

– Ты-то сам этого хочешь?

– Не особенно, но она очень настаивает.

Сердечное сжатие, возникшее у меня, когда я узнал, что эта шучка заставила его покончить с коктейлями, теперь усилилось. Мне, как человеку бывалому, чем дальше, тем яснее становилось, что на этой горячей любви он рискует сильно обжечься, и я даже чуть было не посоветовал Медяку просто телеграфировать ей: «Между нами все кончено», – собрать чемодан и сесть на первый пароход, идущий в Австралию. Но, предчувствуя, что такой совет может его обидеть, я ограничился тем, что спросил, из чего состоит процедура выдвижения, или, выражаясь по-американски, «проталкивания» кандидата. Не то чтобы этот вопрос меня особенно занимал, просто хотелось поговорить о чем-то постороннем, не имеющем касательства к его ужасной невесте.

Тень набежала на его лицо, которое, как я забыл сказать, было достойно лицезрения (ясный взор, загорелые щеки, волевой подбородок, медные волосы, прямой нос). Кроме того, оно венчало собой тело, радовавшее глаз мускулистостью и стройностью. Можно сказать, что обликом он напоминал Эсмонда Хаддока, хозяина Деверил-Холла, который ежемесячно вручал конверт с жалованьем дяде Дживса – Чарли Силвер-смиту. С виду такой же лирик, готовый в любую минуту зарифмовать «луну» с «весной», он тем не менее, как и Эсмонд, производил впечатление силача, способного, если потребуется, свалить одним ударом быка. Не знаю, представлялась ли ему такая возможность, ведь быка не так часто можно встретить. Однако людей в студенческие годы он валил без разбора, три года выступая на ринге в тяжелом весе за команду университета. Возможно, среди его жертв попадались и быки.

– Это было похоже на страшный сон, – сказал он, по-прежнему пасмурный из-за воспоминаний о пережитом. – Народу в комнате набилось столько, что не продохнуть, – душегубка

да и только, и я должен был сидеть и выслушивать приветствия до полуночи. Потом я стал выступать повсюду с речами.

– Так почему же ты сейчас не в своем округе, не выступаешь с речами? Тебе дали выходной?

– Я приехал нанять секретаршу.

– Неужели у тебя до сих пор не было секретарши?

– Была, конечно, но моя невеста ее уволила. Они не сошлись характерами.

Помнится, я поморщился, узнав, что его невеста ввела запрет на коктейли, но теперь я скроил еще более кислую мину. Чем больше я слышал о его нареченной, тем меньше она внушала мне симпатий. Вот кто легко нашел бы общий язык с Флоренс Крэй, повстречай они друг друга. Ну прямо родственные души, или «несносные третирщицы», как назвала бы их одна моя знакомая горничная.

Я, разумеется, не сказал этого вслух. Всему свое время: время назвать кого-то «несносной третирщицей» и время промолчать. Стоит нелестно высказаться о невесте, и уже, как говорится, погладил против шерстки жениха, а кто рискнет погладить против шерстки бывшего боксера-тяжеловеса?

– У тебя есть кто-нибудь на примете? – спросил я. – Или ты отправишься на ярмарку секретарш и будешь смотреть, что есть в наличии?

– Я имею виды на одну американку, с которой свел знакомство до отъезда из Лондона. Мы на двоих снимали квартиру с Литтлуортом по прозвищу Носач, который тогда писал роман, и она каждый день приходила ему помогать. Носач свои сочинения диктует, и он говорил, что она классная стенографистка и машинистка. У меня есть ее адрес, но, возможно, она уже там не живет. Съезжу после обеда проверю. Ее зовут Магнолия Гленденнон.

– Не может быть.

– Почему?

– Что за имя такое Магнолия!

– Нормальное имя для Южной Каролины, откуда она родом. В Америке в южных штатах этих Магнолий как собак нерезаных. Но я не кончил рассказывать про избрание в парламент. Прежде всего, конечно, твою кандидатуру должны выдвинуть.

– Как ты этого добился?

– Все устроила моя невеста. Она знакома с одним министром, и он пустил в ход свои связи. Его фамилия Филмер.

– А. Б. Филмер?

– Точно. Он твой приятель?

– Я бы так не сказал. Наше мимолетное знакомство произошло на крыше летнего домика, куда нас загнал один желчный лебедь. Опасность сблизила нас ненадолго, но закадычными друзьями мы не стали.

– Где это случилось?

– На острове посреди озера в имении моей тети Агаты в Стипл-Бампли. Ты ведь живешь в Стипл-Бампли и, наверно, бывал у нее.

Тут его посетила ошеломляющая догадка, как тех солдат, которые, по словам Дживса, переглядывались на какой-то Дарьенской вершине⁸

⁸ Аллюзия на сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.